

Д. А. СКАЛОН

<Вл. Соловьев — «военный корреспондент» на Дунае>

<...> Около полудня ко мне приехал с письмом от Каткова Владимир Соловьев. Я принял его и попросил, за неимением стульев, присесть подле меня на травке. По своей наружности он произвел на меня впечатление взявшего не за свое дело. Соловьев был в русском наряде, бархатных шароварах, красной рубахе и суконной расстегнутой поддевке. Красивое продолговатое лицо его украшалось чудными глазами и длинной тонкой бородачкой.

— Добро пожаловать, — заговорил я первым, — каким путем прибыли? Что вас побудило взять на себя обязанности корреспондента?

— Михаил Никифорович [Катков] мне предложил поехать сюда и писать корреспонденции. Я согласился, быстро собрался и через Бухарест приехал. Михаил Никифорович сказал мне, чтобы я обратился к вам и что от вас получу указание, где находиться, и вы меня устроите и направите туда, где наибольший может представиться интерес.

— С удовольствием все это сделаю, — ответил я, — но скажите, есть ли у вас какая-либо подготовка, чтобы дать верное и беспристрастное описание боя? Потому что вам придется поехать в отряды и следить за развитием военных действий. Вы были когда-либо при войсках, хотя бы на маневрах?

— Нет, — отвечал Соловьев, — я никогда этим не интересовался и ничего не видел.

— Что же вы будете описывать, не имея понятия о том, как войска располагаются на позициях, как атакуют, как обороняются и тому подобное?

Соловьев удивленно посмотрел на меня.

— А я вас должен предупредить, что вы должны будете присылать ваши описания мне, и я буду их просматривать и отправлять с очередным фельдъегерем. Так как великий князь главнокомандующий разрешил посылать свои телеграммы одновременно с главным штабом и в Москву Каткову для «Московских ведомостей», то корреспонденции должны быть верны и точны.

— У меня никакой подготовки нет, и я полагал описывать то, что увижу.

Из дальнейшего разговора я пришел к заключению, что Соловьев взялся не за свое дело и высказанные им мне воззрения на войну ничего общего не имеют с тем, что было желательно от корреспондента, который находится в особых доверенных условиях.

Я ему все это прямо высказал и дал добрый совет:

— Вы на меня не обижайтесь, но я должен откровенно вам высказать, что вы взялись не за свое дело, и вряд ли вы выдержите продолжительное время лишения и тягости войны. Мой совет — уезжайте домой.

Соловьев согласился со мною и тотчас же уехал. Вместо него Катков прислал Всеволода Крестовского¹, которого я знал с 59-го года, когда мы сходились с ним на вечерах...<...>

